

АКАД. Я. А. МАНАНДЯН

МЕСРОП-МАШТОЦ
И
БОРЬБА АРМЯНСКОГО НАРОДА
ЗА КУЛЬТУРНУЮ САМОБЫТНОСТЬ

АРМФАН

1941

ЕРЕВАН

THE UNIVERSITY OF CHICAGO
LIBRARY

1913

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ԱԿԱԴ. 2. 2. ՄԱՆԱՆԴՅԱՆ

ՄԵՍՐՈՊ ՄԱՇՏՈՅԸ

ԵՎ

ՀԱՅ ԺՈՂՈՎՐԴԻ ՊԱՅՔԱՐԸ
ԿՈՒԼՏՈՒՐԱԿԱՆ ԻՆՔՆՈՒՐՈՒՅՆՈՒԹՅԱՆ
ՀԱՄԱՐ

АКАДЕМИЯ НАУК ССРС—АРМЯНСКИЙ ФИЛИАЛ
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ И МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

АКАД. Я. А. МАНАНДЯН

Эков Амазасови

МЕСРОП-МАШТОЦ

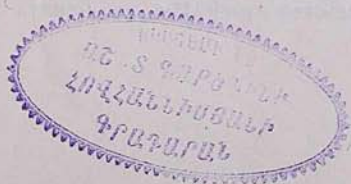
И

БОРЬБА АРМЯНСКОГО НАРОДА
ЗА КУЛЬТУРНУЮ САМОБЫТНОСТЬ

1349

ИЗДАТЕЛЬСТВО АРМФАНА
ЕРЕВАН 1941

Печатается по решению Президиума
Армянского филиала АН СССР.

Тех. редактор *В. Манукян*
Отв. корректор *Г. Турабов*

Сдано в набор 31/XII 1940 г.
Подписано к печати 23/1 1941 г.
3 печ. л., 38400 печ. з. в 1 печ. л. Уч.-авт. лист. 2,4.
ВФ 1021, заказ № 301, изд. № 93, тираж 2500

Типография издательства АрмФАН-а, ул. Ленина № 67.

Одним из наиболее тяжелых периодов исторической жизни армянского народа были конец четвертого и пятый век нашей эры. Века эти могут считаться в истории Армении не только веками тяжких падений—утраты политической независимости и разделения Аршакидского царства между Восточно-Римской империей и Персией,—но также веками упорной, героической борьбы армянского народа и пышного расцвета его творческих сил, выразившегося в изобретении армянского алфавита и в создании собственной литературы и самостоятельной культуры.

В конце III века нашей эры, после сокрушительного поражения, нанесенного римским полководцем Галерием Максимианом Сасанидской Персии (в 297 г.), Аршакидская Армения считалась в сущности вассальным царством, подчиненным Восточно-Римской империи. Это видно из приведенного в так называемом Веронском листе списка римских владений, в котором рядом с Малой Арменией значится в Понтийском диоцезе также и Великая Армения¹.

Одним из последствий тесной связи Армении с империей было вытеснение языческой религии армян и утверждение в Армении христианства, которое было объявлено

¹ „Armenia minor, nunc et maior addita“, см. Codex veronensis у Seeck'a, Notitia dignitatum, 1872, стр. 248. Любопытно, что также и в Латеркуле Полемиа Сильвия после Armenia minor значится в Понте Armenia maior, см. Laterculus Polemii Silvii у Seeck'a, Not. dign., 1872, стр. 251 и след. Мнение Адонца и Гютербока, полагавших, что под Малой и Большой Арменией подразумеваются здесь Первая и Вторая Армения, необосновано и вряд ли состоятельно, см. Адонц, Армения в эпоху Юстиниана, СПб. 1908, стр. 87 и К. Güterbock, Römisch-Armenien und die römischen Satrapien, Königsberg, 1900.

в IV веке государственной религией как во всей Восточно-Римской империи, так и в вассальной Армении.

Политика Аршакидов в сторону политического и культурного сближения с Восточно-Римской империей и их тесный союз с римлянами против могущественной Сасанидской Персии оказались губительными для Армении. В четвертом столетии нашей эры римско-персидские войны возобновились с необычайным ожесточением, и Армения, почти непрерывно воевавшая на стороне римлян, истощив свои силы, вскоре пала, став жертвой вероломства империи.

В 363 году, после неудачного похода императора Юлиана на Восток, его преемник Иовиан, заключив мир с персидским царем Шапухом II (310—379 г. н. э.), не только уступил последнему пять провинций, но позорно предал, кроме того, союзных армян и предоставил их на разгром персам.

По свидетельству римского историка Аммиана Марцелина, современника этих событий, в мирном договоре с персами имелся „губительный“ для Армении и „бесчестный“ (*exitialis et impium*) специальный пункт. Согласно этому пункту римляне обязались не оказывать помощи армянскому царю, который, как подтверждает Аммиан Марцеллин, был их „всегдашним и верным другом“ (*amico nobis semper et fidus*)¹.

После поражения римлян армянские Аршакиды были предоставлены самим себе и вели одни, без союзников, неравную борьбу с победоносной Персией. Эта отчаянная борьба обреченной на гибель страны, полная героизма и жуткого драматизма, стала одной из основных тем древнего армянского эпоса, сохранившегося в историческом произведении пятого века Фауста Бюзанта.

Исход этой борьбы был, разумеется, заранее предрешен. Она закончилась тем, что Аршакидская Армения, разгромленная и опустошенная персами, перестала существовать как независимое государство и подпала под чужеземное иго.

¹ Аммиан. Марс. XXIII,2, XXV,7 и XXXVI,4.

Согласно сообщениям Фауста, армии Шапуха II во время своих нашествий беспощадно грабили и жгли страну, уводили жителей в плен, убивали и насиловали. Города Армении, игравшие крупную роль в международной транзитной торговле, были обращены в груды развалин, а население их было уведено в Персию.

Из свидетельств Фауста (IV,59) и Моисея Хоренского (III,36) видно, что в разгромленной Армении, лишившейся политической независимости, Шапук II искоренял христианство и пытался восстановить учение Зороастра. В своей ассимиляторской политике он опирался на содействие местных феодалов, отступившихся от христианства и принявших маздеизм. Как сообщает Фауст, ренегаты Меружан Арцруни и Вахан Мамиконян разрушали повсюду церкви, воздвигали жертвенники и обращали жителей в маздеизм. Хоренский добавляет к этому, что Меружан „предавал огню какие только находил книги и давал приказание учиться не греческому, а только персидскому языку“¹.

При Шапухе III (383/4—388/9) и Феодосии I (379—395) в 384—387 гг. Аршакидское царство, неуклонно шедшее к гибели, было поделено между Сасанидской Персией и Восточно-Римской империей. Две Армении, Восточная, или Персидская, и Западная, или Византийская, оставались в узле мировых событий и в последующие века. Ожесточенная, упорная борьба между Персией и Восточно-Римской империей (называемой с V века Византийской империей), продолжавшаяся и после раздела Армении, приняла внешне религиозную окраску. Ввиду стратегической важности пограничной армянской территории враждующие державы вели крайне упорную борьбу внутри самой Армении, ставя себе целью религиозно-культурную ассимиляцию и поглощение ее населения.

С необычайным упорством вела свою ассимиляторскую политику в IV—V веках Сасанидская Персия, к которой отошла большая часть Аршакидской Армении. Ее планомерные усилия, имевшие целью восстановление в Ар-

¹ См. перевод Эмина, Москва, 1893, стр. 172.

мении прежней религии Зороастра и иранизацию армянского народа, длились с некоторыми перерывами почти целое столетие.

Над Арменией, утратившей политическую независимость, нависла в эту эпоху смертельная опасность утраты языка и уничтожения своей самобытной культуры. Опасность угрожала самому существованию армянского народа. Однако, несмотря на гнет и произвол и упорное стремление Персии сломить и уничтожить самобытность Армении, армянский народ отстоял себя от поглощения.

Конец IV-го и почти весь V-ый век являются в истории Армении героической эпохой народных восстаний и борьбы против невыносимого гнета Сасанидской Персии. Борьба была победоносно завершена в конце пятого века.

Вдохновил народ к победе и пробудил в нем гордое самосознание гениальный изобретатель армянского алфавита и создатель письменности на родном языке Месроп-Маштоц, со дня смерти которого исполнилось в текущем году ровно 1500 лет. Сохранением своей культуры и языка Армения обязана не только стойкости и твердости восставшего народа, но еще в большей мере этому великому распространителю армянской письменности и просвещения.

Конечно, изобретение письмен имело и в Армении целью, как и у готов и у славян, прежде всего, создание христианской письменности на местном языке. Очевидно, однако, что повсеместное внедрение собственной письменности, созданной в наиболее критическую эпоху исторической жизни Армении, имело, кроме того, преимущественно политическое значение.

Изобретение Месропа-Маштоца было, несомненно, тем могучим оружием, действуя которым армянский народ уцелел в великой борьбе пятого века и, вступив в семью древних культурных народов, развил свою самобытную культуру и создал богатейшую литературу.

Гениальная деятельность Месропа-Маштоца, как известно, высоко оценена западно-европейскими историками. Германский ученый И. Маркварт, посвятивший специальную монографию изобретению армянских письмен, восторженно

отзывается о нем и особо отмечает его исключительное величие. Если мы, указывает Маркварт, примем во внимание исключительную историческую обстановку, в которой Месроп-Маштоц пробудил в армянском народе его самосознание, и если мы сравним его деятельность с аналогичной деятельностью Пипина и его оруженосца Винфрида, то эти последние окажутся карликами в сравнении с великаном Маштоцем¹.

* * *

Как известно, многие, даже наиболее существенные вопросы об изобретении армянских письмен, несмотря на значительное число исследований, посвященных им, до сих пор еще остаются спорными и неясными.

Основными источниками для выяснения этих вопросов считаются исторические труды Корюна, Лазаря Парпского и Моисея Хоренского, из которых два последних основываются преимущественно на Корюне. Некоторые подробности имеются у других авторов, заимствовавших свои сведения не только из вышеуказанных трудов, но также и из других неизвестных нам источников.

Небольшая по объему книга Корюна², ученика Месропа-Маштоца, написанная в V столетии, является, несомненно, главным источником истории изобретения армянских письмен. Однако, несмотря на древность этого источника, в нем, как указывают исследователи, имеются очень часто недомолвки и неясности, и даже явные противоречия³. Адонц совершенно правильно отмечает, что

¹ См. И. Маркварт, История армянских письмен, Вена, 1913, стр. 9 (на арм. яз.).

² Из двух сохранившихся редакций Корюна подлинным является пространная редакция, изданная в Венеции в 1854 и 1894 гг.—см. Нораир Бюзантаци, Вардапет Корюн и его переводы, Тифлис, 1900, стр. 12 и 397—401 (на арм. яз.). Пространная редакция Корюна переведена на немецкий язык немецким ученым Вельте,—см. Dr. V. Welte, Gorgius Lebensbeschreibung des hl. Mesrop, Tübingen, 1841. Краткую редакцию перевел на французский язык Н. О. Эмин,—см. Collection des historiens anciens et modernes de l'Arménie, par V. Langlois, Paris, 1868—69, t. II, p. 9—16.

³ Ср. Н. Марр, Тексты и разыскания по армяно-грузинской фи-

сохранившаяся версия труда Корюна не может быть признана первоначальной, так как в позднейшие века этот труд подвергся редакционной переработке¹. В этом, действительно, можно убедиться, если обратить внимание на те отрывки, которые заимствованы Лазарем Парпским из Корюна. Лазарь, повидимому, знал труд Корюна в его древней редакции.

Биографические сведения о своем учителе, к сожалению, довольно скудные, дает, главным образом, Корюн, книга которого—„История жизни и смерти святого вардапета Месропа—нашего переводчика“²—целиком посвящена жизни и деятельности Месропа-Маштоца.

Корюн, как и все древние источники, изобретателя армянских письмен называет не Месропом, а Маштоцем (*Մաշտոց, Մաշդոց, Մաշթոց, Մաժդոց*—см. Г. Халатьянц, Армянские Аршакиды, Москва, 1903, стр. 315). Спорное и сомнительное имя Месроп впервые встречается в трудах более позднего времени, в Житии св. Нерсеса (Венеция 1853, стр. 83 и 110) и в Истории Моисея Хоренского.

По рассказу Корюна, Маштоц был родом из деревни Хацекац, Таронской области, и был сыном жителя этой деревни Вардана. Н. Эмин, ссылаясь на имя отца Маштоца Вардана на место его рождения в Тароне, полагал, что Маштоц происходил из нахарарского рода Мамиконидов³. Это предположение совершенно необосновано и явно тенденциозно. Следует отметить, что в некоторых новейших исследованиях имеется обычно тенденция считать создателей древ-

1 Н. Адонц, Армения в эпоху Юстиниана, СПб. 1908, стр. 341.

2 Приведенное заглавие, имеющееся в Венецианских изданиях Корюна (1834, 1854, 1894 гг.), не может быть признано подлинным, так как в самом тексте биографии Корюн своего учителя называет не Месропом, а Маштоцем. Выяснить подлинное заглавие труда Корюна очень трудно, так как мы не имеем критического издания Корюна и так как до сих пор еще не обследованы полностью материалы, которые должны быть использованы для установления этого текста.

3 См. Исследования и статьи Н. О. Эмина, Москва, 1896, стр. 206.

неармянской литературы и культуры представителями высшей армянской знати. Это не только спорно, но и безусловно ошибочно. В одной из предыдущих моих работ („Заметки о положении шинаканов древней Армении в эпоху марзбанства“, Ереван, 1925, стр. 33—34) было уже выяснено, что армянский историк Лазарь Парпский, которого также считали благородным „азат“-ом и близким родственником Мамиконидов¹, на самом деле, был сыном закрепощенного крестьянина.

Следует иметь в виду, что как в древней Армении, так и в древней Руси, детей забирали в школы насильно. В Армении брали в школы детей преимущественно крестьян-шинаканов. И совершенно очевидно, что крупные ученые и историки пятого века—Маштоц, Езник, Лазарь и другие, как и преобладающая часть так называемых „переводчик“-ов, были сыновьями крестьян. И ими, главным образом, были созданы древнеармянская литература и наука.

Хотя в „Анонимной хронике“ VII века сказано, что „блаженный Месроп Таронский“ был родом „из азатского дома“² деревни Хацекац³, но об этом не упоминают ни Корюн, ни Лазарь Парпский.

Исследователи обычно полагают, что Маштоц свое образование получил под руководством католикаса Нерсеса (умер в 373/4 г.). Это сведение, имеющееся в Житии св. Нерсеса и у Моисея Хоренского, как правильно указывает Халатьянц⁴, не может быть признано достоверным, так как и об этом умалчивают Корюн и Лазарь Парпский. Они сообщают лишь, что Маштоц обучался в детстве греческому языку.

После раздела Армении между персами и римлянами Месроп-Маштоц прибыл в Айрататскую область, в столицу

¹ См. Зарбаналян, История древнеармянской литературы, Венеция, 1897, стр. 392 (на арм. яз.) и Г. Халатьянц, Лазарь Парпский и его труды, Москва, 1883 (на арм. яз.).

² Азатами назывались мелкие землевладельцы, которые были свободны от налогов, но были обязаны служить в коннице.

³ См. Зарбаналян, указ. соч., стр. 42—«Մեսրոպ Երանիկի տարածանքի և Հայեկաց գեղէն յաղատ տանէ»:

⁴ Армянские Аршакиды, Москва, 1903, стр. 317.

Вагаршапат, и некоторое время служил в царском диване. Основываясь на неправильном сообщении Моисея Хоренского (III, 47), ученые обычно указывают¹, что Маштоц занимал при царском дворе должность секретаря. На самом же деле, как видно из сообщений Корюна и Лазаря Парпского, он был зачислен в число писцов царского дивана, которые, подобно византийским официалам, служившим в канцеляриях магистров, несли одновременно также военную службу.

Относительно времени службы Маштоца в Вагаршапате исследователи отмечают противоречие между свидетельством Лазаря Парпского и указанием Корюна. По Лазарю Парпскому (гл. 10, стр. 13, изд. 1904 г.), Маштоц „был военнотруждающим при дворе армянского царя Хосрова и был зачислен в число книжников-писцов“², а по Корюну (стр. 14), он состоял на службе в царском диване „во время азарапетства в армянской стране некоего Аравана“³. Противоречие это, отмеченное Марквартом (История армянских письмен, Вена, 1913, стр. 18—19), повидимому, кажущееся. По всей видимости, Араван был азарапетом при Хосрове III, царствовавшем с 383 до 388 (или же 386) года, и можно, следовательно, предположить, что в первоначальном и подлинном тексте Корюна сообщалось о службе Маштоца при дворе армянского царя Хосрова III во время азарапетства Аравана.

Служба Маштоца в Вагаршапате продолжалась недолго. Он вскоре принял монашество, занялся изучением библейских и церковных книг и, отправившись в древнеармянскую область Гохти (в округи нынешн. Джульфы и Орду-

¹ Исследования и статьи Н. О. Эмина, стр. 206; Месроп Тер-Мовсеян, История перевода Библии, стр. 15; K. Aslan, Études historiques sur le peuple arménien, Paris, 1919, стр. 212, и др.

² «Զինուորեալ ի դռան Հայոց արքային խորովայ, կարգեալ յերամ ժառնագիր արքունի դպրացն»:

³ «Առ հազարագետութեամբն աշխարհիս Հայոց Առաւանայ ուրումն»: Азарапетами, или тысячниками, назывались высшие сановники Аршакидского царства, на которых была возложена обязанность поднятия экономического благосостояния страны, управление делами крестьян-шиннаканов и заведывание государственными податями.

бада), посвятил себя миссионерской и просветительной деятельности.

В этой новой деятельности, как сообщают источники, Маштоц наталкивался на большие затруднения, так как не было перевода Библии и церковных книг. Богослужение совершалось в то время на непонятном для народа греческом или сирийском языках. По свидетельству армянского историка Фауста (III, 13), народные массы не понимали ни слова, ни даже полслова из того, что им проповедывали. Вследствие этого, повсюду выступали наружу старые языческие верования, находившиеся под сильным влиянием религии персов.

И именно здесь, в Гохтне, как сообщают источники, зародилась у Маштоца мысль, что единственным верным орудием борьбы против язычества и маздеизма, угрожающих христианству и самому существованию армянского народа, могут быть письменность и христианское богослужение на родном языке.

Отправившись в Айрарат, Маштоц сообщил свою мысль католикоосу Сааку, который с радостью поддержал его, так как и сам не был чужд этой мысли.¹

Когда они известили об этом царя Врамшапуха, царь сказал им, что алфавит армянского языка, как ему сообщили, имеется у сирийского епископа Даниила. По просьбе Саака и Маштоца, царь послал некоего Вахрича к родственнику епископа Даниила, священнику Абелу, который, получив царскую грамоту, отправился к Даниилу, ознакомился с письменами и доставил их армянскому царю и католикоосу Сааку² (в пятом году царствования Врамшапуха).

Получив „неожиданно найденные“ (*գլխիվարձադրևոն*) письмена, Саак и Маштоц, как сообщает Корюн (стр. 17), в течение двух лет³ обучали им детей. Но, испытав их,

¹ См Корюн, стр. 16, Лазарь Парпский, гл. 10, стр. 14, и Моисей Хоренский, III, 49.

² Корюн, стр. 17 и Лазарь Парпский, гл. 10, стр. 14—15.

³ По мнению Маркварта, под этими двумя годами подразумеваются пятый и шестой годы царствования Врамшапуха,—см. „История армянских письмен“, Вена, 1913, стр. 26—27.

убедились, что они заимствованы из других языков и „не могут в точности выразить слоги и связующие звуки армянского языка“¹.

Маштоц, удостоившийся в это время ученой степени вардапета, взял часть детей и в пятом году царствования Врамшапуха отправился с ними в Сирию. Прибыв в города Амид и Эдессу, он был радушно принят местными епископами Акакием и Бабиласом. Взятых с собой учеников он разделил на две группы, из которых одна должна была изучать сирийскую письменность, а другая—греческую. Сам же он после многих усилий, направленных на благо своего народа, продолжал свои изыскания и составил полный алфавит армянского языка. Как сообщает Корюн (стр. 19), он дал буквам названия, распределил их в определенном порядке и стал связывать их и складывать в слоги.

После того как был изобретен им алфавит, Маштоц отправился в город Самосат, лежавший на берегу Евфрата, и здесь, при содействии Рофаноса, искусного каллиграфа, точно и окончательно установил начертания письмен. Затем он вместе со своими учениками Иоанном Екехецаци и Иосифом Пахнаци перевел книгу Притч Соломона, которая была переписана рукою Рофаноса.

В шестом году царствования Врамшапуха он вернулся из Сирии в Вагаршапат, где его торжественно встретили народ с царем и патриархом. После возвращения в Армению, он всецело посвятил себя просветительной деятельности. Вместе с католикосом Сааком он открывал повсюду школы, в которых обучали детей новому алфавиту, и усердно переводил на родной язык библейские книги и другие произведения.

Кроме вышеприведенных скудных данных Корюна и Лазаря Парпского, о Маштоце и об изобретенных им письменах имеются некоторые сведения также и у Моисея Хоренского и у позднейших авторов. Но эти сведения, к сожалению, большею частью сомнительны и мало достоверны.

¹ «Թէ չեն բաւական նշանակիրքն՝ որչ ամեւ զսլուորայս և զկարս հայերէն լեզուին», Корюн, стр. 18.

При изучении истории изобретения армянского алфавита мы сталкиваемся, прежде всего, с вопросом о домесроповских письменах, называемых Данииловыми, а также и с общей проблемой о существовании в Армении письменности, пользовавшейся этими письменами.

Об этих вопросах, как известно, писали и пишут очень много, но тем не менее, они и до сих пор служат предметом споров и контроверз. Объясняется это тем, что относительно этих проблем в нашем распоряжении имеются либо скудные, либо неясные и неточные сведения.

Недостаточны, прежде всего, указания источников о так называемых Данииловых письменах. Корюн, ученик Маштоца, Данииловы письма называет „письменами армянского алфавита“¹. В другом месте своего труда он указывает, что эти письма оставались долгое время без употребления, так как были недостаточны для точного выражения звуков армянского языка.

Саак и Месроп,—говорит Корюн,—„поняли, что [Данииловы] письма недостаточны для выражения в точности слогов и связей армянского языка, тем более что сами-то письма, взятые из другой письменности, были оставлены и были обнаружены случайно“.

[«Իսկ իբրև ի վերայ հասեալ թէ չեն՝ բաւական նշանագիրքն՝ ողջ ածել զսիւղորայս և զկապս հայերէն լեզույն, մանաւանդ զի և նշանագիրքն իսկ յայլոց դպրութեանց թողեալք՝ և յարուցեալք զիպեցան»]²:

Лазарь Парпский свидетельствует так же, как и Корюн, что у благочестивого мужа епископа Даниила „были армянские письма“,⁴ а Монсей Хоренский, говоря о них,

¹ «Նշանագիրս արիարետաց հայերէն լեզուի», Корюн, стр. 17.

² В тексте Корюна 1894 года «Թողեալք» („похороненные“), вероятно, следует читать «Թողեալք» („оставленные“), ср. Зарбаналян, История древнеармянской литературы, Венеция, 1897, стр. 41.

³ См. Корюн, стр. 18.

⁴ «Նշանագիրքն հայերէն կային», см. Лазарь Парпский, Тифлис, 1904, гл. 10, стр. 14.

указывает, что посланник царя Вахрич, отправившийся к Даниилу, ознакомился с буквенными знаками, изобретенными в давнишние времена.

Саак и Месроп,—говорит Хоренский в согласии с Корюном, — „познакомившись с ними, в продолжение немногих лет учили им мальчиков, но пришли к убеждению, что для точного выражения звуков армянского языка недостаточно того нищенски-заимствованного скудного алфавита“¹.

[«Որոց ուսեալ, և թևածելով ընդ նոսա տղայոց զամսակաւ, տեղեկացեալ գիտացին՝ ոչ լինել բաւական այնու նշանագրօք ստոյգ հոլովել զհեզենայ բառից հայկականաց հազներգարար, մուրացածոյիւն այնուիկ զծագրութեամբ»]:

Другие армянские писатели не только указывают на недостаточность этого алфавита, но и точно определяют число его букв. Историк Вардан, живший в XIII веке, сообщает:

„На пятом году царствования [Врамшапуха] и в первом году Арташира, сына Шапуха, св. Месроп составляет армянские письмена,—двадцать две буквы от древних времен, найденные у сирийца Даниила, как недостаточные для выражения всех звуков нашего языка², были преданы древними забвению; и стали довольствоваться греческими, сирийскими и парсийскими буквами“³.

[«Ի հինգերորդ ամին սորա և յառաջին ամին Արտաշրի որդւոյ Շապհոյ՝ սուրբն Մեսրոպ յօրինէ գպրութիւն հայերէն. քսան և երկու գիր առ Դանիելի Ասորւոյ գտեալ ի հին ժամանակաց, որ վասն ոչ պարզելոյն զընդարձակութիւն լեզուիս, անհոգացեալ եղև յառաջնոցն, յոյն և ասորի և պարսիկ գրով շատացեալք»]:

¹ История Моисея Хоренского, III, 52, см. перевод Э м и н а, Москва, 1893, стр. 191.

² В тексте стоит «ընդարձակութեան լեզուիս» «обширности языка».

³ Вардан, История, Венеция, 1862, стр. 49, гл. 25.—см. перевод Э м и н а, Исследования и статьи, Москва, 1896, стр. 212—213.

В других более древних источниках, в Анонимной хронике, изданной в Венеции в 1904 году, и в Загадке,¹ приписываемой Давиду Харкаци, жившему в седьмом веке, указывается, что Данииловы письма состояли из 29 или же 24 букв.

Свидетельства приведенных источников, как видим, подтверждают, что еще до Месропа-Маштоца существовали так называемые Данииловы письма, которые были использованы, повидимому, Маштоцем при составлении им полного армянского алфавита, соответствовавшего звуковым особенностям армянского языка. В источниках древних, как и в позднейших,² нет прямых и точных указаний на то, что эти письма были изобретены сирийским епископом Даниилом, как это без достаточного основания утверждают некоторые ученые.³ И мне кажется, прав Н. Я. Марр, который полагал, что армянские письма впервые были изобретены неизвестными сирийскими миссионерами на юго-востоке Армении (см. Кавказский культурный мир и Армения, Петроград, 1915, стр. 34).

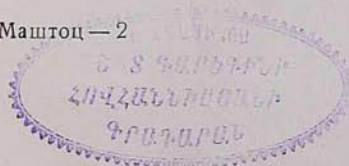
С фактом существования домесроповских писем тесно связан вопрос о том, была ли в Армении письменность, пользовавшаяся этим древним алфавитом.

Как известно, большая часть старых, как и современных нам ученых, вопрос этот решает в том смысле, что у армян не было никакой письменности до изобретения алфавита Месропом-Маштоцем. Они главным образом указывают на то, что не только никаких следов этой письменности не сохранилось, но и нет никаких письменных сообщений об этом. Напротив, источники ясно и недвусмысленно говорят о том, что до изобретения Месроповского алфавита церковная служба в Армении велась не

¹ См. Давид Харкаци, изд. Г. Тер-Мкртчян, Вагаршапат, 1903, стр. 30.

² Исключение составляет вышеуказанная Анонимная хроника, в которой, в противоречии с другими источниками, сказано, что при патриархе Сааке сирийцем Даниилом-философом было изобретено [գրուիլ — можно перевести и „было найдено“] 29 букв армянского языка.

³ Н. Адонц, Армения в эпоху Юстиниана, стр. 351; И. Маркварт, История армянских писем, стр. 43—46, и друг.

на армянском, а на чужом языке, и что армянское юношество обучалось в сирийских или же греческих школах сирийскому или греческому языкам.

Однако, вопреки господствующему мнению, некоторые ученые утверждают,¹ что существование армянской письменности до V столетия, т. е. до изобретения алфавита Месропом-Маштоцем, вполне вероятно. Наиболее убедительным доводом в пользу этого предположения они считают совершенство и красоту литературного языка и переводной письменности V века, которые, по их мнению, не могли быть созданы в течение нескольких десятилетий.

„В начале V века,—говорит Тер-Мовсесян,— не было армянской литературы, армянской азбуки, не существовало частей или целой Библии, следовательно не было обработанного языка, и вдруг как-будто волшебным мановением и в каких-нибудь 20—30 лет получается все это и достигает высшего совершенства.. Может ли это удовлетворить нас?“².

Приведенное соображение, считающееся наиболее серьезным аргументом в пользу существования армянской письменности в IV столетии или даже раньше, мне кажется, не может быть признано веским и бесспорным. Следует, прежде всего, иметь в виду, что культуру и язык марзбанской Армении, имевшей в течение предшествовавших семи веков государственную самостоятельность и достигшей довольно высокого уровня экономического и социального развития, нельзя сравнивать с культурой и языками неимеющих письменности первобытных народов. Как известно, армяне еще до изобретения Месроповского алфавита обладали устной, довольно развитой словесностью, язык которой, как признают литературоведы, был тождественен с языком книжной письменности V века. Эта бли-

¹ См. А. М. Гарагашян, Кригическая история Армении, Тифлис, 1895, стр. 39 и 69—71; М. Тер-Мовсесян, История перевода Библии на армянский язык, стр. 17—27, и друг.

² М. Тер-Мовсесян, История перевода Библии на армянский язык, стр. 15.

зость их с полной определенностью установлена филологами, изучавшими историю Фауста, в которой, как известно, была широко использована устная народная литература исторического содержания.¹

Что касается указаний ученых на переводный язык армянской Библии, в которой, действительно, точно и полно воспроизведены все оттенки и особенности сирийского или же греческого подлинника, то совершенство этого перевода, как нетрудно догадаться, объясняется не тем, что армянская письменность существовала задолго до начала V века, а, повидимому, тем, что после принятия армянами христианства частичные переводы Библии существовали в течение почти целого столетия в устной передаче.

Ученые, указывающие на существование у армян письменности до Месропа-Маштоца, думается мне, сильно преувеличивают роль и значение Даниилова алфавита. Они упускают из виду, что эти письма, как определенно указывают источники, были недостаточны и не годились, очевидно, для служения литературе.

Вполне вероятно, конечно, что одновременно с утверждением и распространением в Армении христианства должна была возникнуть здесь потребность армянского алфавита и перевода христианских культовых книг. И более чем вероятно, что первоначально, как видно из некоторых косвенных свидетельств источников, попытка создать армянскую письменность была сделана в южной Армении при помощи, главным образом, сирийского алфавита. Этот первый опыт сирийских миссионеров или, быть может, и самого Даниила заключался не в том, что ими была изобретена азбука, соответствовавшая фонетике армянского языка, а лишь в том, что ими были приспособлены к армянскому языку имевшиеся письменные знаки чужого языка.

Составленный ими алфавит, неполный и непригодный, нельзя, конечно, сопоставлять, как нечто равноценное, с изо-

¹ См. С. Малхасян, Исследование истории Фауста Бюзанта, Вена, 1896 (на арм. яз.).

бретением Месропа-Маштоца, который впервые выяснил сложное своеобразие армянской фонетики. Определив все гласные и согласные звуки армянского языка, этот гениальный основоположник армянской фонетики создал впервые не мертворожденный, а жизненный и бессмертный алфавит, годный для служения литературе.

И совершенно очевидно, что благодаря именно его великому изобретению стало возможно создание и широкое развитие армянской литературы и науки.

* * *

Относительно времени изобретения Месроповского алфавита хронологические сведения первоисточников отличаются, как известно, крайней запутанностью.

Начиная еще с Чамчяна, армянского историка восемнадцатого века, этот вопрос неоднократно подвергался специальному исследованию. Однако, он и до сих пор не решен окончательно.

Вплоть до последнего времени у большинства ученых не было сомнения в том, что время изобретения Месроповского алфавита устанавливается с полной определенностью в начале пятого века, в 404—406 гг. Эта дата, действительно, устанавливается, совершенно точно, на основании хронологических указаний, имеющихся в заключительной части вышеуказанного труда Корюна.

Свидетельство Корюна гласит:

„Итак, время пребывания блаженного [Маштоца] в духовенстве составляет сорок пять лет, начиная же с письменности армян до кончины святого—тридцать пять лет, которые исчисляются следующим образом: персидский царь Дисмон [? = Врам IV Крман] процарствовал шесть лет, а Иездигерд—двадцать один год; и в первом году Иездигерда Второго, сына Врама, умер блаженный [Маштоц]. И, таким образом, годы пребывания святого в духовенстве считаются с четвертого года царя [Врама IV] Крмана до первого года Иездигерда Второго, сына Врама, письменности же

армян было положено начало с восьмого года Иездигерда [1]¹.

[«Եւ արդ լինի համար հաւատոց երանելոյն ամբ քառասուն և հինգ, և ի դպրութենէն Հայոց մինչև ցվախճան սրբոյն՝ ամբ երեսուն և հինգ, որք համարին այսպէս: Քաղաքեալ Դիամոնայ Պարսից արքայի ամս վեց, և Յազկերտի ամս քսան և մի. և յառաջնունն ամի երկրորդ Յազկերտի որդւոյ Վռամայ, վախճանեցաւ երանելին: Եւ արդ առնու համար ամաց սրբոց հաւատոց ի չորրորդում ամէն Կրմանայ արքայի, մինչև ցառաջին ամն երկրորդ Յազկերտի որդւոյ Վռամայ, և դպրութեանն Հայոց յութերորդ ամէ Յազկերտի առեալ սկիզբն»]:

В приведенном послесловии Корюна начало армянской письменности, как видим, указано в восьмом году Иездигерда I (399—419/420) и за 35 лет до смерти Маштоца, воследовавшей, как известно из Корюна (стр. 44), 13-го числа армянского месяца меекана, через шесть месяцев после смерти католикоса Саака. Армянские, как и западноевропейские, ученые считают, что на основании хронологических данных послесловия Корюна дата изобретения Месроповского алфавита устанавливается с полной определенностью.

Путем бесспорных календарных вычислений год, месяц и день смерти Месропа-Маштоца, как и католикоса Саака, впервые были определены совершенно точно французским ученым Дюлорье. Месроп-Маштоц скончался, как установлено им, 17 февраля 440 г., в субботу, а католикос Саак 7 сентября 439 г., в четверг². Выясняется, таким образом, что время изобретения армянского алфавита, указанное в послесловии Корюна за 35 лет до смерти Месропа-Маштоца, умершего в 440 году, следует предположить в 406 году. Правильность этой даты подтверждается и тем, что она находится в полном согласии с другим свидетельством послесловия, относящим начало письменности

¹ См. Корюн, Венеция, 1894, стр. 48.

² См. Édouard Dulaurier, Recherches sur la chronologie arménienne, Paris, 1859, стр. 135—136, прим. 40.

армян к восьмому году царствования Иездигерда I (399—419/420), совпадающему, действительно, с 406 годом¹.

Указанная дата, основанная на синхронизмах послесловия Корюна, как известно, считается и теперь почти всеми учеными твердо установленной и непоколебимой. Однако, при внимательном изучении хронологических показаний Лазаря Парпского, как и данных самого Корюна в других местах его труда, обнаруживается, что соответствующие свидетельства послесловия Корюна и подлинных текстов Лазаря и Корюна отличаются непримиримой противоречивостью сообщаемых сведений и должны быть поэтому тщательно проверены путем новых изысканий.

Одно из существенных противоречий в тексте Корюна отмечено в статьях Г. Тер-Мкртчяна и Н. Адонца, помещенных в армянских журналах „Арагат“ и „Андес Амсоря“².

Рассказывая об изобретении письмен, Корюн, как мы видим, сообщает, что Маштоц отправился в сирийские города Амид и Эдессу, где он был принят с большим почетом местными епископами Акакием и Бабиласом. Известно, однако, что Акакий был епископом Амида, начиная с 419/420 г., а Бабилас, или, вернее, Рабулас³, был епископом Эдессы в 412—435 гг⁴.

Как же понять это явное противоречие Корюна: в послесловии время изобретения армянского алфавита указано в 406 году, а из самого текста можно заключить, что алфавит был изобретен Маштоцем после 412 и даже 419/420 гг.?

¹ Ученые, которые время изобретения армянского алфавита указывают в 404, 405, 407 гг., неправильно определяли год смерти Маштоца и, повидимому, не были знакомы с вычислением Дюлорье, основанным на бесспорных календарных данных.

² Г. Тер-Мкртчян, По поводу 1500-летия армянских письмен, „Арагат“, 1912, май—июнь, стр. 499—511; Н. Адонц, Неизвестные страницы из жизни Маштоца и его учеников, „Андес Амсоря“, 1925, №№ 5—12.

³ В тексте Корюна, как совершенно правильно указывает Г. Тер-Мкртчян, искаженное имя Бабилас (*Բաբիլաս*) следует исправить и читать Рабилас (*Րաբիլաս*), см. „Арагат“, май—июнь, стр. 508.

⁴ См. Chabot, *Synodicon Orient.*, Paris, 1902, стр. 276, и Labourt, *Le Christianisme dans l'empire perse*, стр. 101.

Кифузи!

Г. Тер-Мкртчян в вышеуказанной статье пытается устранить это противоречие и полагает, что в послесловии Корюна говорится об изобретении не Месроповских, а Данииловых письмен. По его мнению, Месроповский алфавит не мог быть изобретен до 412 года, т. е. до рукоположения Рабуласа в епископы города Эдессы. Поэтому встречу Маштоца с Рабуласом и пребывание Маштоца в Сирии он предполагает в 412—416 гг., а изобретение Месроповских письмен относит к началу этого четырехлетия. В тексте Корюна, как утверждает Тер-Мкртчян, допущена переписчиками явная описка. Маштоц вернулся из Сирии в Вагаршапат не „в шестом году царствования Врамшапуха“ (*«Ի Զ ամի Վրամշապուհի արքայի»*), а „в шестнадцатом году“ (*«Ի ԺԶ ամի»*). В тексте цифру шесть = Զ он предлагает исправить и читать „шестнадцать“ = ԺԶ.

Полагая, что противоречие у Корюна можно устранить предложенной им конъектурой, Тер-Мкртчян приходит к совершенно новым выводам и устанавливает следующую хронологию:

1. 405 г.—начало изобретения алфавита, т. е. присылка Данииловых письмен в Вагаршапат.
2. 412—416 гг.—изобретение и усовершенствование Месроповских письмен.
3. Начало четырехлетия 412—416 гг.—изобретение Месроповских письмен.

Как известно, в соответствии с приведенными датами 1500-летие изобретения алфавита Месропом-Маштоцем было отпраздновано в Эчмиадзине и Ошакане в 1912 году (12—13 октября).

Однако, приведенные выводы Тер-Мкртчяна, как легко можно заметить, не только мало убедительны, но и более чем спорны. Прежде всего, трудно, конечно, предположить, что в послесловии книги Корюна, которая целиком посвящена жизнеописанию Маштоца, хронологические указания относятся не к изобретению алфавита Месропом-Маштоцем, а к присылке в Вагаршапат Данииловых письмен. Сомнительно, кроме того, и другое утверждение Тер-Мкртчяна, что будто бы Месроп-Маштоц изо-

брел и усовершенствовал алфавит через 7—11 лет после получения Данииловых писем и вернулся в Вагаршапат в шестнадцатом году царствования Врамшапуха. Неприемлема также и вышеуказанная конъектура (вм. «Ի Զ աճԻ» — «Ի ժԶ աճԻ»), так как правильность печатного текста Корюна подтверждается свидетельствами позднейших историков и хронистов. Главный же недостаток предложенной Тер-Мкртчяном хронологии состоит в том, что ею не устраняется вовсе противоречие в тексте Корюна.

Как было уже сказано, Корюн определенно указывает, что Месропу, кроме Рабуласа, помогал в Сирии также и Акакий, который, как известно, был посвящен в епископы города Амида приблизительно в 419/420 г. Следовательно, опираясь на свидетельство Корюна, изобретение и усовершенствование алфавита Месропом следовало бы предположить не в 412—416 гг., а значительно позднее, не раньше 419/420 г.

Статья Г. Тер-Мкртчяна являлась одним из первых опытов критического изучения вопроса о времени изобретения армянского алфавита, и главная ее заслуга заключалась в том, что автор ее не следовал традиционным взглядам, считавшимся непоколебимыми.

* * *

Совершенно по-новому освещает этот же вопрос Н. Адонц в вышеозначенной статье, помещенной в журнале „Андес Амсоря“. Адонц, основываясь на греко-римских источниках, приводит в своей статье любопытные факты, устанавливающие участие Месропа-Маштоца в вероисповедной борьбе против несторианства, и указывает, между прочим, на тесное знакомство изобретателя армянского алфавита с учителем Нестория Теодором Мопсуестским. Хотя автор статьи не ставил себе задачей освещение проблемы изобретения писем, но тем не менее попутно им даны указания, направляющие к новому толкованию проблемы.

Как совершенно правильно отмечает Адонц, при составлении Маштоцем армянского алфавита и при поступлении в сирийские школы его учеников ему оказывали

поддержку и помощь не правоверные епископы Акакий и Рабулас, а, по всей вероятности, вышеозначенный Теодор Мопсуестский, еретические произведения которого были осуждены на соборе 431 года в Эфесе. „Корюн,—говорит Адонц,—не только биограф, он одновременно и церковный деятель, и должен был поэтому свой труд согласовать с после-эфесскими настроениями”¹.

Из этого ясно вытекает, что имеющиеся в сообщениях Корюна недомолвки, неясности и даже искажения могут быть объяснены не только редакционной переработкой труда Корюна в позднейшее время, но отчасти и конфессиональными соображениями самого автора, описывавшего событие сообразно изменившимся религиозным настроениям второй четверти пятого века.

Адонц считает вероятным, что армянский алфавит был составлен Маштоцем в конце IV века, приблизительно между 383—392 гг., при содействии Теодора Мопсуестского и его ученика Руфиноса, названного в пространной редакции Корюна Рофаносом (*Հովհաննիս*)². По Лазарю, объясняет Адонц, Врамшапук был назначен царем Шапухом III (383/4—388/9); следовательно, время изобретения армянского алфавита Месропом-Маштоцем, который привез новые письма в Вагаршапат в шестом году царствования Врамшапуха, следует предположить не в восьмом году Иездигерда I (399—419/420), как сказано у Корюна в послесловии, а в конце четвертого века, при персидском царе Вrame IV (388/9—399). Как раз к этому времени, как указывает Адонц, относится переписка Месропа-Маштоца с Теодором Мопсуестским, который в то время был священником в Антиохии (383—392) и оказывал, вероятно, содействие Маштоцу при изобретении писем. Отсюда, полагает Адонц, следует вывод, что дата изобретения Месроповского алфавита устанавливается между 383—392 гг.

¹ См., „Андес Амсоря“, 1925, № 9—10, стр. 439.

² В краткой редакции Корюна и у Моисея Хоренского вм. *Հովհաննիս* имеются различия *Ռովհաննիս*, *Ռովհաննի* и *Հովհաննի*, см. Корюн, стр. 19, и Моисей Хоренский, III, 53, изд. 1913 г., стр. 327.

Приведенные соображения Адонца, мне кажется, заслуживают того, чтобы привлечь внимание исследователей и возбудить их интерес. Не совсем, однако, правильна указанная им хронологическая точная дата, ибо алфавит мог быть изобретен Месропом-Маштоцем и во время епископства Теодора Мопсуестского, т. е. после 392 года.

* * *

Определить время изобретения Месроповских писем возможно, как мы видим, не на основании послесловия Корюна или же других побочных соображений, а на основании вышеозначенных достоверных свидетельств Лазаря Парпского и того же Корюна.

Корюн, как мы видели, указывает, что Месроповский алфавит был изобретен в шестом году царствования Врамшапуха. Это свидетельство заслуживает особого внимания, так как и позднейшие источники¹ базируются на нем и не цитируют вовсе послесловия Корюна. Следует отметить, что почти все позднейшие историки и хронисты при определении шестого года царствования Врамшапуха руководствовались неправильными синхронизмами Моисея Хоренского, вследствие чего дать правильную хронологию они, конечно, не могли.

Годы Врамшапуха и его брата Хосрова III, как и вообще годы последних армянских Аршакидов, показаны противоречиво и довольно произвольно также и в новейших исследованиях. Ученые игнорировали, к сожалению, сообщения достоверного историка этой эпохи Лазаря Парпского, имеющие в данном вопросе решающее значение.

По свидетельству Лазаря, Хосров III был назначен правителем Персидской Армении Шапухом III (383/4—388/9). Но вскоре, как рассказывает Лазарь, армянские князья, недовольные его управлением, пришли к Шапуху и обвинили Хосрова в том, что он поддерживает сношения с греками.

¹ Асохик, Всеобщая история, СПб. 1885, II, 1, стр. 74; Самуил Анийский, Вагаршпат, 1893, стр. 68, и друг.

Хосров был вызван в Персию и на его место был назначен Шапухом III, брат его Врамшапух¹.

Из этого свидетельства Лазаря ясно видно, что воцарение Хосрова III, процарствовавшего, повидимому, 3 года², приходится в начальные годы царствования Шапуха III, а возведение на престол Врамшапуха—в последние его годы. Совершенно прав поэтому Маркварт, который, не придерживаясь установившейся традиционной хронологии, время царствования Хосрова III полагает в 383—388 (или же 386) гг. Воцарение Врамшапуха мы должны также предположить, придерживаясь свидетельства Лазаря, очевидно, не в девяностых годах четвертого века и не в начале пятого века, как полагают почти все исследователи³, а в 386 или же в 388 гг. Установившаяся неправильная хронология объясняется, повидимому, тем, что годы царствования Врамшапуха исследователи хотели согласовать с хронологическими данными послесловия Корюна.

На самом же деле, заслуживает доверия не послесловие Корюна, которое в позднейшие века подверглось, очевидно, редакционной переработке, а ценные указания Лазаря, который пользовался подлинным текстом Корюна.

Принявши, согласно Лазарю, за год воцарения Врамшапуха 386 или 388 год, мы можем заключить, что изобретение Месропом-Маштоцем армянских письмен, имевшее место в шестом году царствования Врамшапуха, следует предположить не в начале пятого века, как установлено почти во всех прежних исследованиях, а в конце четвертого века, в 391 или же в 393 гг.

Полученные нами выводы, не лишённые основания, ставят на очередь вопрос о критическом издании и изуче-

¹ См. Историю Лазаря Парпского, Тифлис, 1904, I, 6 и 9, стр. 8 и 12—13.

² По свидетельству Себеоса (гл. III), он царствовал 3 года, а по Моисею Хоренскому (III, 50)—5 лет. Предпочтительнее, по моему, первое, более древнее свидетельство.

³ Костанян, История Армении (краткий очерк), Москва, 1911, стр. 55; Гельцер Г., Краткая история Армении, Вена, 1897, стр. 16 (на арм. яз.); Morgan J., Histoire du peuple arménien, Paris, 1919, стр. 359, и друг.

нии текста и послесловия Корюна. Они показывают одновременно, что имеются веские основания для пересмотра хронологии этой эпохи, неправильно установленной в научной литературе.

* * *

После изобретения письмен, как рассказывает Корюн, в Армении началась усиленная просветительная деятельность. Месроп-Маштоц несколько раз объезжал Армению, открывал повсюду школы и распространял письменность на родном языке.

У Корюна имеется также подробный рассказ о составлении Маштоцем грузинского и албанского алфавитов и о его просветительной деятельности в Грузии и Албании.

Эти любопытные сообщения, являющиеся предметом споров, приводим в переводе и в подлиннике.

1. „Он [Маштоц],—сообщает Корюн¹,—приступил с помощью дарованной ему Господом благодати к установлению письменных знаков грузинского языка: он начертил [их], расположил и приспособил, как подобало. Он взял с собою некоторых лучших из своих учеников, собрался в путь и отправился в страну Грузию. Прибыв, он представился царю, которого звали Бакуром, и епископу страны—Моисею... И он [Маштоц], предложив свое искусство [письма], убедительно советовал [звести в действие]. И они все дали согласие исполнить просьбу. И после того как нашли одного мужа, переводчика грузинского языка, имя которого было Джага, мужа образованного и надежного, грузинский царь велел из разных областей и разноплеменных районов своего царства собрать детей и отдать вардапету [для обучения]“.

«Եւ առնոյր կարգեալ նշանագիրս վրացերէն լեզուին, ըստ շնորհեցելոյ նմա ի Տեառնէ: Գրէր կարգէր և օրինօք յարդարէր. և առնոյր ընդ իւր գոմանս լաւագոյնս յաշակերտաց իւրոց, յարուցեալ գնայր իջանել ի կողմանս Վրաց. և

¹ Корюн, Венеция, 1894, стр. 25—26.

երթեալ յանդիման լինէր թագաւորին՝ որում անուն էր Բակուր, և եպիսկոպոսի աշխարհին՝ Մովսէս: ...Եւ նորա զիւր արուեստն առաջի արկեալ՝ խրատէր յորդորելով: յորում և յանձն առեալ ամենեցուն զխնդրելին կատարել: Եւ գտեալ զայր մի թարգման վրացերէն լեզուին, որ անուանեալ կոչէր Ջաղայ, այր զբազէտ և ճշմարտահաւատ հրաման տայր այնուհետև արքայն Վրաց՝ ի կողմանց կողմանց, և ի խառնադանջ գաւառաց իշխանութեան իւրոյ՝ ժողովել մանկունս՝ տալ ի ձեռն վարդապետին»):

2. Корюн, стр. 29—31.

„В то время случайно пришел к нему некий священник, родом албан, по имени Вениамин. И он [Маштоц], разузнав и обследовав варварскую речь албанского языка, составил затем письма по своему дарованному свыше мощному обыкновению... После того он, распростившись, отправился в страну Албанию и пришел в этот край. Прибыв в царскую резиденцию, он увиделся с святым епископом Албании, которого звали Иеремией, и с их царем, имя которого было Арсваг, и со всеми азатами. И он был принят с особым смирением во имя Христа. Затем, спрошенный ими, сообщил, ради чего он прибыл, а они совместно вдвоем, епископ и царь, согласились подчиниться введению письменности. Они же приказали обучить искусству письма многих детей из областей и районов их державы, послать их группами в школы в подобающие и удобные места и назначить им стипендии на пропитание“.

[«Յայնմ ժամանակի եկեալ զիպէր նմա այր մի երէց Աղուան ազգով, Բենիամէն անուն. և նորա հարցեալ և քննեալ զբարբարոս զբանս Աղուաներէն լեզուին, առնէր ապա նշանազիրս, ըստ վերնապարզև կորովի սովորութեան իւրում: ... Եւ ապա յետ այնորիկ հրաժարեալ գնալ ի կողմանս Աղուանից, և երթեալ իջանէր յաշխարհն. և հասեալ ի թագաւորական տեղին, տեսանէր զսուրբ եպիսկոպոսն Աղուանից, որում անուն երեմիա կոչէին, և զնոցին թագաւոր, որում Արսվաղ էր անուն, ամենայն ազատօք հանդերձ. որոյ առաւել հպատակութեամբ ընկալեալ վասն անուանն Քրիստոսի»):

տոսի: Ապա հարցեալ ի նոցանէ, առաջի եղեալ վասն որոյ եկեալն էր, և նոցա երկոցունց զուգացելոց եպիսկոպոսին և թագաւորին՝ յանձն առեալ զպրութեանն հնազանդելոյ. տային ևս հրաման՝ ի գաւառաց և ի տեղեաց իշխանութեանն իւրեանց, բազմութիւն մանկանց՝ յարուեստ զպրութեանն ածել և գումարել՝ ըստ արժանաւոր և պատեհ տեղեաց, դասս դասս զպրոցաց, և ոռձիկս կարգել ի դարմանս»:

Эти же сообщения Корюна приведены также и у Моисея Хоренского, который пополнил их добавлениями, заимствованными, повидимому, из других источников.

3. Моисей Хоренский, III, 54 (перевод Эмина, стр. 192.—193): „Месроп, отправившись в страну Иверов, с помощью Божьей благодати и для них устраивает письмена при содействии некоего Джага, переводчика греческого и армянского языков: царь Иверов, Бакур, и епископ (их) Моисей, помогают Месропу. Тут он выбирает мальчиков, разделяет их на два разряда и оставляет им учителями двух из своих учеников— Тэра из Хордзеана и Мушэ из Тарона.

За сим Месроп направляет свой путь в Агванк к Арсвагену, царю (этой страны), и к главе епископов, Иереми. Они охотно принимают его учение и дают ему избранных мальчиков. И призвав к себе даровитого переводчика Вениамина, которого немедленно отпустил к нему юный Васак, владетель Сюнийский, через посредство епископа своего Ананию, Месроп при помощи их создал письмена языка Гаргарского, языка, богатого горловыми звуками, бессвязного (?), варварского, в высшей степени нескладного“.

[«Իսկ Մեսրոպայ երթեալ յաշխարհն Վրաց՝ առնէ և նոցա նշանագիրս տուեցելովն ի վերուստ շնորհաւն, հանդերձ Զաղայիւ ոմամբ թարգմանաւ հելլէն և հայ լեզուի, ձեռնտու լինելով արքայի նոցա Բակրոյ և եպիսկոպոսին Մովսիսի: Եւ ընտրեալ մանկունս և յերկուս բաժանեալ դասս՝ և վարդապետս թողու նոցա յաշակիրտաց իւրոց զՏէր Խորձենացի, և զՄուշէ Տարօնացի:

Եւ ինքն յԱղուանս իջեալ առ Արսւպաղէն թագաւոր նոցա և առ եպիսկոպոսապետն Երեմիայ, որոց կամաւ յանձն

առեալ զվարդապետութիւն նորա՝ հառն մանկունս ընտիրս: Եւ կոչեալ զԲենիամին ոմն շնորհաւոր թարգման, զոր անգանդաղ արձակեաց մանուկն Վասակ Սիւնեաց տէր, ի ձեռն Անանիայի եպիսկոպոսի իւրոյ. որովք ստեղծ զնշանագիրս կոկորդախօս աղխազուր խժական խնցրեկազունին այնորիկ Գարգարացոց լեզուին»:

Приведенные свидетельства Корюна и Моисея Хоренского об изобретении Месропом-Маштоцем грузинского алфавита, как известно, часто в литературе признавались или неточными или даже недостоверными, так как они не соответствуют сообщениям древнегрузинских источников. И, действительно, при внимательном изучении приведенных сведений Корюна, подвергшихся, повидимому, редакционной переработке в позднейшие века, возникает целый ряд недоуменных вопросов, которые должны быть предварительно обсуждены и критически разрешены. Вопросы эти, сложные и трудные, нуждаются, конечно, в специальном изучении в особой статье.

Несмотря, однако, на спорность некоторых утверждений Корюна, в общем и целом, рассказ его, мне кажется, не внушает сомнения. Историческая достоверность его рассказа подтверждается, между прочим, тем, что как раз в начале V века, как нам подлинно известно из „Жития Петра Ивера“¹, в Грузии царствовал, действительно, упомянутый у Корюна Бакур, отец Петра Ивера. Пользуясь содействием царя Бакура, как и албанского царя Арсвага, Месроп-Маштоц насаждал, очевидно, и в Грузии и в Албании письменность и просвещение на местных языках.

Из сообщений Корюна, как видим, выясняется, что вместе с Арменией, в тесном и братском союзе с ней, развивали свою письменность и отстаивали свою культурную самостоятельность также и соседние закавказские государства. В IV и V веках борьба против маздеизма и культурно-ассимиляторской агрессии Сасанидской Персии была, очевидно, общим делом этих трех братских народов Закавказья.

¹ См. издание Н. Марра, Православный Палестинский Сборник, 47 вып., СПб. 1896, стр. 82—85.

Народы эти, унаследовавшие от своих яфетических предков, вероятно, протохеттов и субарийцев-харрийцев, их древнюю культуру и имевшие некоторую общность происхождения, были, несомненно, тесно связаны друг с другом также и общностью или однородностью своей исторической судьбы. Как совершенно правильно отмечал Н. Я. Марр¹, армяне и грузины, несмотря на разноязычие, составляли в начальную эпоху христианства один целостный мир. Их тесная связь и культурное сродство, как мы видим, определенно указаны и у Корюна, который насаждение у них письменности и просвещения в IV и V веках изображает как событие, имеющее важное и общее значение.

В этом общем закавказском деле Месроп-Маштоц играл, очевидно, выдающуюся роль. Из рассказа Корюна можно заключить, что гениальный изобретатель армянского алфавита был, одновременно, талантливым политиком и крупным организатором. В борьбе против Сасанидской Персии он старался обезопасить северный тыл своей страны и хотел, очевидно, создать широкий фронт защиты против общего внешнего врага.

Как поборник общности интересов братских народов Закавказья и как радетель свободного развития их самостоятельной письменности и культуры, Месроп-Маштоц был, несомненно, таким же мудрым политическим деятелем, какими были великие политики Грузии послесельджукской эпохи, которые, отвоевав у мусульман армянские области, всемерно содействовали как восстановлению самостоятельной Армении, так и возрождению ее самобытной культуры.

* * *

Как известно, начальный период политического порабощения Армении, конец IV и начало V века, был в Армении эпохой не только повсеместного насаждения

¹ См. Кавказ и памятники его духовной культуры, Петроград, 1919, стр. 6.

письменности на родном языке, но и беспримерно быстрого развития древнеармянской литературы.

Начиная с конца IV века, в течение нескольких десятилетий, Армения могла беспрепятственно развивать свою письменность и культуру, так как при Враме Крмане (388/9—399) и Иездигерде I (399—419/420) сильно ослабла политическая активность Персии в отношении закавказских стран.

Персидский царь Врам IV, называвшийся Крманом, или Крманшахом, поддерживал дружественные отношения с Византией и был милостив к христианам. И, как мы видели, повидимому, в первые годы его царствования был изобретен Месроповский алфавит. Полагают, что Врам IV и его отец Шапук III были убиты феодальной аристократией Персии.

Преемник Врама IV Иездигерд I, названный персами „Грешником“ (bazakar), имел враждебное отношение к персидской аристократии и к персидскому духовенству и был столь же веротерпим, как и его предшественник. Известно, что он принял опеку над малолетним императором Феодосием II (408—450) и в течение всего своего царствования не нарушал мира с империей. При нем в 410 году была организована в Персии самостоятельная христианская церковь, глава которой имел титул католикоса.

Таким образом, как видим, начало армянской письменности и так называемого „золотого века“ армянской литературы падает как раз в мирный промежуток времени царствования Врама IV и Иездигерда I, благоприятный для деятельности Маштоца и его учеников.

Впервые Сасанидская Персия изменила свою пассивную политику в отношении подвластной Армении в последние годы Иездигерда I. Персия, по чисто религиозно-политическим причинам, не могла, конечно, быть довольна деятельностью Саака и Месропа-Маштоца. Рассвет самостоятельной письменности в Персидской Армении, рассматриваемый одним из ученых царской России, как полити-

ческий, сепаратистический акт¹, вызывал, очевидно, беспокойство также и в Сасанидской Персии.

После смерти армянского царя Хосрова III, царствовавшего в Персидской Армении в 383—385 (или 388) и в 415 гг., Иездигерд I назначил на вакантный армянский престол не царя из династии Аршакидов, а своего сына Шапуха (416—419/420). Назначение Шапуха царем Персидской Армении, как видно из пространного сообщения Лазаря Парпского, означало новую попытку постепенного сближения и слияния Армении с восточным иранским миром.

„Иездигерд [I],—сообщает Лазарь,—не пожелав возвести на престол армянской земли царя из рода Аршакидов, назначил царем армян своего сына, которого звали, по имени его отца, Шапухом. Злые думы думал он [Иездигерд] в своем уме. Во-первых,—Армения, думал он, страна великая и полезная, она граничит с сопредельным греческим царством, власти которого подчинены многие из рода Аршакидов; эти роды, которые подвластны нам и грекам, могут, как родные братья, почувствовать сострадание друг к другу и могут, любовно сговорившись когда-либо друг с другом, по взаимному согласию, заключить мир с греческим императором и, подчинившись ему, отпасть от нас; и, как они и прежде доставляли нам много раз хлопоты, в еще большей степени будут нас беспокоить войной, присоединившись с ними. И, кроме того,—они чужды нашей религии и полны ненавистью к ней, а с ними имеют общую религию и богослужение. Если, однако, кто-нибудь из нашего рода будет царствовать в самой армянской стране, наше царство будет свободно от всех подобных сомнений, а они будут служить нам с постоянным страхом и трепетом и не будут замышлять что-либо недружелюбное и вредное. И возможно, что они свякнутся и свяжутся с нашей религией при непрерывных сов-

¹ См. рецензию на работы Ал. Аннинского Н. Я. Марра, Зап. Вост. Отд. Рус. Арх. Общ., том XV, стр. 143.

местных беседах, при обычных дружеских сношениях, в забавах охоты и в играх, которые состоятся между ними, и, породнившись также друг с другом обоюдными браками, они, после того, отделятся и отрекутся от дружбы и религии греков¹.

[«Եւ ոչ կամեցեալ Յագկերտի թագաւորեցուցանել ի վերայ աշխարհիս Հայոց յազգէն Արշակունեաց՝ թագաւորեցուցանէր ի վերայ սոցա զիւր զորդին, որում անուն էր Շապուհ, ըստ անուան հօր իւրոյ. խորհեալ Հարաչար իմացմունս առնն ի միտս իւր. առաջին՝ զայս, եթէ աշխարհն Հայոց մեծ է և օգտակար, սահմանակից և զրակից է Յունաց իշխանութեանն, ընդ որոյ ձեռամբ բազումք են հնազանդեալք յազգէն Արշակունեաց. որոց զուցէ գորովեալ առ միմեանս ազգացն, ըստ օրինի եղբարց, որք ընդ մերով և ընդ Յունաց իշխանութեամբն են, և հաւանեալ երբէք սիրով ընդ միմեանս և եկեալք ի միաբանութիւն՝ խօսեսցին ի խաղաղութիւն ընդ թագաւորին Յունաց, և ընդ նորա հնազանդութեամբ յօժարեալք՝ ապստամբեսցին ի մէնջ: Եւ որպէս կալեալ է զմեզ բազում անգամ յաշխատութեան՝ առաւել ևս յաւելուածով նոցա՝ անհանգիստ առնիցեն զմեզ պատերազմաւ: Եւ երկրորդ՝ զի յօրինացս մեր օտար են և ատեցողք, և միահաւան ունին զպաշտօն նոցա և զօրէնս: Արդ՝ ի թագաւորել յազգէս մերմէ ի վերայ աշխարհին Հայոց՝ յամենայն այդպիսի կասկածանաց անհոգացեալ լինի թագաւորութիւնս մեր. և նոքա ցանկ երկիւղիւ և դողութեամբ ծառայեն մեզ և օտարոտիս ինչ և ֆլասակարս ինչ ոչ խորհին: Է զի և սովորութիւն առնուն յանկէել յօրէնս մեր, հանապազ խօսիւք ընդ միմեանս և ընդեկական բարեկամութեամբ, ի զբօսմունս որսոց և ի խաղս, որ լինին ի միջի նոցա. այլ և ամուսնութեանց տուրեառիւք հաղորդեալք առ միմեանս՝ զատուցեալք այնուհետև որոշին ի սիրոյ նոցա և յօրինացն»]:

Царствование в Армении Шапуха (416—419/420) продолжалось недолго. Летом 419 или 420-го года, узнав о внезапной смерти своего отца Иездигерда, Шапух покинул

¹ Лазарь Парпский, История Армении, изд. Г. Тер-Мкртчяна и С. Малхасяна, Тифлис, 1904, гл. XII, стр. 18—19.

Армению и поспешил в Ктезифон, чтобы наследовать престол Сасанидов. Но по прибытии в Персию, он был убит придворными, и вскоре был провозглашен царем его брат Врам (419/420—438).

По смерти Иездигерда I, уже в самом начале царствования Врама V, в политике Персии в отношении христиан произошло резкое изменение. В пределах Персии вновь начались преследования христиан. Из сообщений историка Сократа¹ нам известно, кроме того, что в первом же году Врама V возгорелась война с Византией (420—422), закончившаяся поражением Персии. Мир был заключен в 422 году и в число условий мирного договора было включено обязательство персидского царя прекратить преследование христиан.

Во время этой войны обнаружилось стремление подвластных Персии армян к независимости. Однако, после поражения, понесенного персами, Врам V придерживался в отношении Армении осторожной и сдержанной политики. По просьбе армянских нахараров он поставил им царем сына Врамшапуха Арташеса (422—427/428). Но он одновременно поддерживал нахараров, искавших сближения с Персией, и вел, повидимому, политику, направленную к разжиганию розни и местного сепаратизма.

Вскоре, по просьбе самих же армянских нахараров, царь Арташес был лишен престола (в 427/8 г.) и управление Арменией было поручено представителю персидского царя, именуемого марзбаном. Одновременно был свергнут, с согласия антивизантийской партии нахараров, также и католикос Саак, которого персы обвиняли в приверженности к грекам.

После уничтожения в Армении призрачной власти Аршакидских царей, как сообщает армянский историк Егише², „царство досталось армянским нахарарам“.

И, действительно, при внимательном изучении внутреннего строя марзбанской Армении не трудно устано-

¹ Socrates, *Historia ecclesiastica*, Oxford, 1893, VII, 18—21.

² См. Егише, *Война армян против персов*, Венеция, 1852, стр. 11.

вить, что новые мероприятия нисколько не изменили нахарарской организации страны. Нетронутой оставалась также и культурная самостоятельность Армении. Общее экономическое оживление и расцвет литературы и науки беспрепятственно продолжались в Персидской Армении как во время царствования Врама V (419/420—438), так и в начальные годы царствования его преемника Иездигерда II (438—457).

В традиционной армянской историографии осуждают и клеймят позором предательство армянских князей, державшихся персидской ориентации. Мне кажется, что исследователи, придерживающиеся этой старой точки зрения, не учитывают положительной роли приверженцев Персии. Умеренная и сдержанная политика Сасанидов в Армении, которая после ее раздела продолжалась более шестидесяти лет, в значительной мере объясняется внешнеполитической ориентацией этих нахараров, сторонников Персии.

Именно в эти мирные годы были основаны в Персидской Армении многочисленные школы и были созданы кадры стойких и беззаветных защитников ее письменности и культуры, пустивших корни по всей стране. Этот сравнительно короткий промежуток времени стал эпохой изумительного расцвета армянской литературы. В это начальное время зарождения и развития армянской письменности были переведены на армянский язык, кроме Библии и богослужебных книг, сотни произведений церковной литературы. В переводах этой эпохи, именуемой „золотым веком“ древнармянской литературы, дошли до нас некоторые ценные церковно-исторические и исторические произведения — хроника Евсевия Кесарийского, Апология Аристиды и др., которые не сохранились в подлинниках. В это же время были написаны оригинальные произведения крупных армянских историков и ученых — Корюна, Агафангела, Фауста Бюзанта, Езника Кохпского и др. — переведенные на европейские языки.

Таким образом, после утраты политической самостоятельности, в Армении благодаря неутомимой деятельности ее лучших сынов были созданы просвещение и лите-

ратура на родном языке, пробудившие гордое самосознание народа. Гениальные основатели армянской письменности и просвещения сообщили армянскому народу неизбежную живучесть. Порабощенная Армения духовно развилась, окрепла и подготовилась к борьбе против предстоящей агрессии персидского маздеизма.

* * *

При ознакомлении с просветительной деятельностью Месропа-Маштоца бросается в глаза то обстоятельство, что новоизобретенное письмо было введено в Византийской части Армении довольно поздно, приблизительно через тридцать лет после изобретения письмен. Мне кажется, объясняется это тем, что во время своей преобразовательной деятельности в Персидской Армении Саак и Месроп считали нужным, по политическим соображениям, отстраниться и отмежеваться от Византии.

Они хотели, повидимому, усыпить подозрения персов и убедить их, что создание письменности на армянском языке дает им возможность порвать связи армян с греками. Этим, именно, должно быть объясняемо и то обстоятельство, что армянский алфавит был изобретен Месропом-Маштоцем в Сирии и при содействии сирийцев, являвшихся сторонниками Сасанидской Персии.

После того как в персидской части Армении была повсеместно создана письменность на родном языке, Месроп-Маштоц, — говорит Корюн, — „стал думать насчет другой половины армянского народа, находившейся под властью греческого императора“¹. Он отправился с частью своих учеников в Византийскую Армению и был принят с большою честью духовенством, народом и магистром армии Антиохом².

¹ См. Корюн, Венеция, 1894, стр. 26.

² В рукописях Корюна стоит, как указывает издатель, *Անտիոխ*. Между тем в печатном тексте под влиянием Хоренского чтение *Անտիոխ* ошибочно переправлено в *Անатолий*. Как известно, Анатолий был магистром армии на Востоке не в это время, а гораздо позже, с 438 по 443 г., — ср. Ю. Л. Кулаковский, История Византии, т. 1, Киев, 1913, стр. 272.

Византийская Армения, как известно, не была подвластна католикосу Сааку, сидевшему в Персидской Армении. Для открытия в ней армянских школ и распространения письменности на родном языке необходимо было испросить предварительно согласие императора Феодосия II. Поэтому Месроп-Маштоц оставил большую часть своих учеников под попечением местного епископа Акакия в городе Мелитене, а сам с немногими из учеников отправился к императору в Константинополь.

В царской столице он был лично принят императором Феодосием II и патриархом Атикком (405/6—425) и просьба его, как рассказывает Корюн¹, была исполнена. Особым императорским декретом было приказано открыть в Византийской Армении армянские школы, причем содержание для этих школ должно было быть отпущено из государственных средств.

Приведенные сведения, сообщаемые Корюном, имеются также и у Моисея Хоренского, но сверх того у него был, повидимому, и другой неизвестный нам источник, свидетельства которого он, по своему обыкновению, риторически разработав, передает по-своему.

Хоренский, заимствовавший у Корюна остов своего рассказа, отступая от него, указывает, что первоначально, при посещении Месропом-Маштоцем Византийской Армении, местные правители не допустили употребления новоизобретенных письмен. По словам Хоренского, император Феодосий II был также недоволен и упрекал патриарха Саака в том, что „он пренебрег искусными мужами греческого народа и пошел искать мудрых открытий у каких-то сирийцев“².

Приведенные свидетельства едва ли являются произвольными измышлениями Хоренского; они основаны, вероятно, на подлинных преданиях. Грекам не могло быть, конечно, приятно, что в Византийской Армении греческий язык должен был уступить свое место армянскому языку как в бо-

¹ См. Корюн, Венеция, 1894, стр. 28—29.

² См. перевод Н. Эмина. Москва, 1893, стр. 197—198.

гослужении, так и в школах. Церковная деятельность империи находилась, несомненно, в теснейшей связи с ее политической деятельностью. Всюду, где укреплялось византийское христианство и утверждалось политическое господство Византии, там вместе с ее политическим влиянием соединялись, как и в Сасанидской Персии, также и явные ассимиляторские претензии. Понятно поэтому, что византийское правительство не могло быть довольно просветительной деятельностью Месропа-Маштоца среди западных армян.

Вести, однако, активную и агрессивную политику на Востоке она в то время не могла, так как ей, начиная с конца IV века угрожала серьезная опасность с северо-запада, со стороны кочевников—гуннов. Благосклонное и отзывчивое отношение императора Феодосия II к ходатайству Месропа-Маштоца объясняется, по моему, не мудрой дальнороркостью имперского правительства и не „благородными соображениями греков“, как полагают некоторые ученые¹, а теми внешнеполитическими условиями, в которых находилась Византия в V веке.

Дата поездки Месропа-Маштоца в имперскую столицу и время введения в Западной Армении письменности и просвещения на родном языке легко устанавливаются на основании прямых свидетельств Корюна².

Как было указано выше, Месроп-Маштоц перед выездом в Константинополь оставил своих учеников в городе Мелитене под попечением епископа Акакия, который был посвящен в этот духовный сан приблизительно в 419/420 году. Следовательно, поездку Месропа-Маштоца к императору Феодосию II и патриарху Атику следует предположить после 419/420 года. Нам известно также, что смерть

¹ См. Karl Krumbacher, *Geschichte der byzantinischen Literatur*, München, 1897, Anhang—H. Gelzer, *Abriss der byzantinischen Geschichte*, p. 916 и А. А. Аничинский, *История армянской церкви*, Кишинев, 1900, стр. 38.

² Время поездки Месропа-Маштоца к императору Феодосию II правильно определено в вышеуказанной статье Адонца,—см. Андрес Амсоря, 1925, № 9—10, стр. 435—437.

константинопольского патриарха Аттика воспоследовала 10-го октября 425 года. Нетрудно, следовательно, заключить, что время посещения Месропом-Маштоцем Константинополя падает в период между 419/420—425 гг. Можно, мне кажется, с полной уверенностью предположить, что эта поездка Месропа состоялась в годы персидско-византийской войны 420—422 гг., когда персидская часть Армении, придерживаясь византийской ориентации, надеялась отпасть от Персии.

Заручившись разрешением императора Феодосия II, Месроп-Маштоц энергично принялся за насаждение армянской письменности также и в Западной Армении, где по повелению императора были открыты армянские школы. Таким образом, благодаря неусыпной и плодотворной деятельности изобретателя армянского алфавита сохранили свой язык и свою культурную самобытность армяне не только Персидской, но и Византийской Армении.

*
* *

После беспримерно бурного развития армянской письменности и культуры в первой половине V века, духовная жизнь Персидской Армении в середине V века претерпела тяжкое потрясение.

Начиная с 450 года, Сасанидская Персия, победоносно закончившая войну на востоке против гуннов, повела в Армении решительную политику. Она хотела уничтожить ее внутреннюю и культурную самобытность и слить ее с восточным иранским миром.

Ввиду стратегической важности пограничной армянской территории, которая должна была стать форпостом движения Персии на запад и ввиду преобладания в ней антиперсидской партии нахараров и духовенства, ориентированных в сторону Византии, Иездигерд II (438—457) и его преемники поставили себе целью религиозно-культурную ассимиляцию и поглощение ее населения не мероприятиями мирного характера, как это было при их предшественнике Вrame V, а мерами принудительными и насильственными. Противдействие нахарарской Армении этой ассимиляторской политике, направленной против ее внутренней само-

стоятельности, выразилось, как известно, в целом ряде восстаний, наполнивших V и VI вв.

Традиционная армянская историография, находящаяся под сильным влиянием художественного агиографического произведения древнеармянского писателя Егише, восстания эти считает и называет войнами религиозными. На самом же деле, эти восстания, как выяснено в моем исследовании „Феодализм в древней Армении“¹, носили не только религиозный, но также социальный и, главным образом, народно-освободительный характер против гнета и террора персидской монархии.

Из сообщений древнеармянских источников видно, что Сасанидская Персия не только пыталась ввести и распространить в Армении, как и во всем Закавказье, государственную религию—маздеизм, но она одновременно стремилась уничтожить в ней наследственные права и привилегии нахарарских родов и старалась свести нахарарскую Армению к одному уровню с остальными провинциями Ирана. Она усилила в это же время эксплуатацию народных масс, увеличив государственные налоги, собиравшиеся в стране². Персидское правительство делало это, как сообщает Егише, с той целью, чтобы довести крестьян-шинканов до полного обнищания и заставить их принять религию магов³.

В двенадцатом году своего царствования, т. е. в 450 году, как сообщает историк Лазарь Парпский⁴, Иездигерд II послал армянским нахарарам специальную грамоту, в которой предлагалось им отречься от христианства и принять религию персов. По словам Лазаря, армянские князья ответили на грамоту царя решительным отказом. После того они были призваны в Ктезифон и здесь, чтобы избежать наказания, они приняли маздеизм. По возвра-

¹ Ереван, 1934, стр. 286—293 (на армян. яз.).

² См. мое исследование „Государственные налоги Армении в эпоху марзбанства“, Ереван, 1926 (на армян. яз.).

³ См. Егише, Война армян против персов, Венеция, 1852, стр. 39.

⁴ Лазарь Парпский, История Армении, Тифлис, 1904, II, 22, стр. 43—44 и I, 19, стр. 38.

щении же в Армению, когда прибывшие с ними маги устроили пиреи и воздвигли жертвенники, народные массы напав на пиреи, разрушили их и убили магов.

Вскоре во всей Персидской Армении вспыхнуло народное восстание под главенством Вардана Мамиконяна. Армянское ополчение, состоявшее, главным образом, из простолюдинов и имевшее мужество выступить против грозных персидских войск, после нескольких схваток, окончившихся победой над персами, было разбито при Аварайре, лежавшем недалеко от нынешнего Маку¹. В бою геройски пали Вардан Мамиконян и многие из его доблестных сподвижников.

После подавления восстания 450—451 гг. и жестокого наказания его идейных руководителей, учеников Месропа-Маштоца и Саака, Иездигерд II, как видно из свидетельств Лазаря Парпского, добился своей цели. Нахарарская Армения лишилась своей внутренней самостоятельности и была уравнена в правах с остальными марзбанствами. Традиционные права и привилегии армянских нахарарских родов были уничтожены и в армянском марзбанстве получили власть и значение нахарары, отрекшиеся от христианства.

Более тридцати лет продолжалось в Армении господство ставленников и пособников персидского правительства, принявших маздеизм. Персидская Армения, разгромленная и поработанная, ждала удобного момента, чтобы выступить против насильников, уничтоживших ее культурную самобытность. Пример героических борцов, павших в неравном бою 451 года, вдохновлял народные массы. И в 481 году в Армении вспыхнуло против персов новое восстание в союзе с Грузией и Албанией. Главой восстания на этот раз был племянник Вардана, Ваан Мамиконян. Упорная борьба, принявшая характер партизанской войны, продолжалась в Армении около четырех лет (481—484). И к концу четвертого года (в 484 г.), когда Персия по-

¹ Местоположение Аварайра выяснено в моем историко-географическом труде—„Главные пути Армении по Tabula Peutingeriana“, Ереван, 1936, стр. 152—156 (на арм. яз.).

терпела страшное поражение в стране Гепталитов и когда в сражении был убит персидский царь Пероз и погибли отборные части персидского войска, преемник Пероза Вагарш (484—488), вступив в переговоры с повстанцами, заключил с ними мирное соглашение и принял условия, предъявленные Взаном.

Согласно этому соглашению, были восстановлены во всей Персидской Армении прежние права и привилегии крупных нахарарских родов, была обеспечена полная свобода христианской церкви, и персы обязались, что они не будут обращать христиан в маздеизм и не будут давать должности и власть лицам, отрекающимся от христианства.

Таким образом, восстание 481—484 гг. увенчалось полным успехом, и в 484 году марзбаном Армении был назначен руководитель восстания Ваан Мамиконян.

В тяжелых испытаниях и в упорной борьбе пятого века армянский народ закалил себя и накопил ценнейшие духовные качества: стойкость в борьбе против поработителей и настойчивость и упорство в отстаивании своей внутренней и культурной самобытности.

* * *

Угнетение и гонения со стороны Сасанидской Персии, продолжавшиеся в течение тридцати трех лет (451—484), усилили в Армении эллинофильство и влияние Византии.

С конца V века в древнеармянской литературе зародилась и развилась так называемая грекофильская школа. Появилась обширная переводная литература, обнимавшая все отрасли знания древнего мира—грамматику, риторику, философию, астрономию и т. д. На древнеармянский язык были переведены труды Аристотеля, Филона Александрийского, Порфирия, Гермеса Трисмегиста, комментаторов Иамблиха, Олимпиодора, Давила и других, риторические произведения Афтония и Теона, грамматика Дионисия Фракийского, схолии Нонна, басни Олимпиана и многие др. Исключительную ценность представляют, несомненно, те переводы античных произведений, подлинники которых не сохранились.

Эта разнообразная переводная литература дала возможность последующим поколениям армян приобрести научные знания на родном языке. Переводные произведения греческой науки и литературы будили мысль, расширяли кругозор и толкали к самостоятельной умственной работе. Они вызвали в Армении богатую комментаторскую литературу философов, грамматиков и грекофильских писателей-армян. „Увлечение философией в связи с эллинофильством разбило,—говорит академик Н. Я. Марр¹,—тогдашнее армянское общество на два враждебных лагеря, прогрессивный и охранительный... Философия же, расширив умственный горизонт армян, разбила исключительность их религиозного мышления. Зародился интерес не только к античному миру, но и к своим древностям и к своим народным сказаниям“.

Грекофильская школа VI—VII веков подробно изучена в моем исследовании „Грекофильская школа и периоды ее развития“, напечатанном в Вене в 1928 году. В этой работе впервые выяснено с полной очевидностью, что время расцвета грекофильской школы следует предположить не в VII—VIII вв., как полагали раньше, а в VI веке.

Устанавливается, таким образом, что армянская письменность и наука, основы которых были заложены Месропом-Маштоцем, Сааком и их учениками, в шестом веке успешно развивались в эллинистическом направлении, внесшем в армянскую духовную культуру новый крупный переворот.

* * *

Тяжкий удар эллинофильству и византийской ориентации армян был нанесен во второй четверти VI века самой же Византией, которая резко изменила свою политику в отношении армянских областей, присоединенных к империи.

После состоявшегося в 384—387 гг. раздела Аршакидской Армении между Сасанидской Персией и Византией,

¹ Н. Марр, Иоанн Петрицкий, СПб. 1909, стр. 12—13.

к последней отошли так называемые Сатрапии—Софанена, Анзитена, Софена, Астианена, Балабитена—и Внутренняя Армения (Armenia Interior), которую греки продолжали называть Великой Арменией (Armenia Magna). Устранив власть Аршакидских царей, империя назначала правителями Внутренней, или Великой Армении, особых сановников, представителей власти императора, называемых комитами (comes Armeniae). Внутренний строй этой области и права местных нахараров не подверглись существенным изменениям. Оставались под управлением местных правителей также и вышеуказанные Сатрапии, которые были в своем внутреннем устройстве автономны и самостоятельны.

В таком положении пребывали Внутренняя Армения и Сатрапии до царствования Юстиниана (527—565). Впервые, как известно, этот самодержавный император стал проводить в армянских областях агрессивную и ассимиляторскую политику и установил в них непосредственное провинциальное управление. Новая политика империи означала полное разрушение своеобразного внутреннего строя страны и уничтожение ее свободы и самобытности.

Целым рядом декретов, изданных в 529, 535 и 536 гг., Византийская Армения была совершенно реорганизована и обращена в обыкновенную провинцию с римскими законами и была обложена обычными обременительными налогами.

Ломка самостоятельного политически-общественного строя страны и тяжелый налоговый гнет вызвали также и здесь, как это было в Персидской Армении в 450—451 и в 481—484 гг., общее возмущение, которое постепенно вылилось в открытое восстание.

Из сообщений историка Прокопия видно, что повстанцами был убит правитель Внутренней Армении Акакий. Известно также, что армянскими Аршакидами Аршаком и Артаваном был составлен в столице заговор против самого императора Юстиниана¹.

¹ См. Н. Адонц, Армения в эпоху Юстиниана, СПб. 1908, стр. 206—207.

Ассимиляторская политика империи заставила армянских нахараров теснее связаться с Сасанидской Персией, в которой нахарарский строй оставался почти нетронутым. И вполне естественно, что именно после вышеуказанных реформ Юстиниана на втором Двинском соборе (в 554/5 г.) был сделан решительный шаг к отделению армянской церкви от византийской.

Реформами Юстиниана был уничтожен в Византийской Армении ее феодально-нахарарский уклад и было расшатано, в известной мере, ее культурное самобытное развитие. Если армянство Византийской Армении, несмотря на потерю своей внутренней самостоятельности, не было полностью романизовано и не заглохло окончательно в водовороте имперской жизни, то это объясняется, несомненно, тем, что и здесь уже имелись письменность и школы на родном языке.

Таким образом, в наиболее критические эпохи своей политической жизни не только восточные, но также и западные армяне сохранили самих себя и свой язык благодаря великому изобретению Месропа-Маштоца и письменности на родном языке, ставшими прочным цементом единства и общего культурного развития всего армянского народа.

Политика ассимиляции и поглощения армянского народа, как видим, не имела успеха не только в V, но и в VI веке.

* * *

В первой половине VII века Сасанидская Персия, как известно, была сокрушена арабами и перестала существовать, а Византийская империя была вытеснена арабами вглубь Малой Азии. Армения подпала под власть арабского халифата.

Армянский историк Себеос, отмечая страшные бедствия нашествия арабов, сравнивает окружавшие Армению и закавказские страны государства с четырьмя чудовищами-зверьями, описанными в пророчестве Даниила. Под этими чудовищами он подразумевает Византию, Сасанидскую

Персию, северное царство Гога и Магога и царство арабов. Самым страшным он считает четвертого зверя, под которым он подразумевает арабский халифат. „И этот зверь — четвертый, — говорит Себеос, — ужасен и изумителен, зубы его железные и ногти его медные, ест и жует, а остатки ногами попирает“¹. Этот зверь, полагает Себеос, превзойдет все остальные царства и пожрет всю землю.

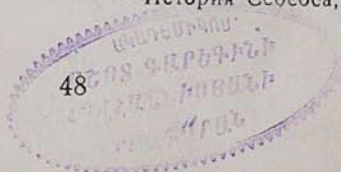
Историк Себеос, как мы теперь знаем, переоценил мощь этого чудовища, шедшего с юга. Много горя, конечно, причинили армянскому народу как это чудовище, так и неизвестные Себеосу чудовища более позднего времени. Однако, несмотря на тяжкие испытания, порою, казалось бы, полную гибель, армянский народ и в позднейшие века неустанно развивал свою национальную культуру и вносил свои вклады в общую культуру человечества.

Теперь он, в эти торжественные дни, полный несокрушимой веры в свое будущее, радостно празднует 20-ую годовщину установления советской власти в Армении. Никакие чудовища ему теперь не страшны.

И понятно, конечно, что в эти дни юбилейного празднования двадцатилетия успехов труда и культурных достижений Советской Армении перед армянским народом встает великий образ гениального крестьянского сына из Хацекаца Месропа-Маштоца, изобретателя армянского алфавита и основоположника армянской письменности и науки, которому посвящен сегодняшний мой доклад.

¹ История Себеоса, изд. Патканяна, СПб. 1879, стр. 113 (гл. 32).

[20к]

Цена 3 руб.

Уоо
1349